

Коннова Ксения Викторовна, бакалавр филологических наук, студент
Национально-исследовательского Мордовского государственного университета
им. Н. П. Огарева

ГЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КРИТИКЕ С. И. ГЕССЕНА

Аннотация: в статье рассматривается гений Достоевского на примере работ интеллектуальной критики С. И. Гессена.

Ключевые слова: интеллектуальная критика, творчество Достоевского, научное наследие С. И. Гессена.

Abstract: the article discusses the genius of Dostoevsky on the example of intellectual criticism of S. I. Gessen.

Key words: intellectual criticism, Dostoevsky's work, the scientific heritage of S. I. Hesse.

С. И. Гессен по праву вписан в интеллектуальную историю России и российского зарубежья первой половины XX в. Его наследие включает работы по неокантианской философии, педагогике и теории воспитания, яркие образцы публицистики, не раз становившиеся предметом изучения представителей соответствующих дисциплин [1], [14], [17]. Как известно, расцвет научной и общественной деятельности С. И. Гессена пришелся на годы эмиграции, когда его насыщенный творческий диалог с А. Л. Бемом, Ф. А. Степуном, Н. А. Ганцем, В. В. Зеньковским, А. В. и Г. В. Флоровские и др., сотрудничество с журналами «Современные записки», «Русская школа за рубежом», чешскими, польскими и немецкими изданиями и издательствами, включение в европейский социально-гуманитарный и образовательный процесс превратили бывшего приват-доцента Петербургского университета в признанную величину

европейского интеллектуального сообщества [3], [6], [8], [9] [11], [13], [15], [16], [18].

Гораздо меньше внимания уделялось вкладу С. И. Гессена в осмысление литературно-философской проблематики, хотя написанное им о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, О. Хаксли, по мнению современных историков литературы, во многом превосходит сделанное литературоведами 1920 – 1930-х гг. [10],[12]. В этом контексте особенно примечательно внимание, которое С. И. Гессен уделял личности Ф. М. Достоевского, усматривая в великом русском писателе своего рода символ трагической судьбы России, того пророка, в произведениях которого прозвучали провидческие слова о будущем страны и народа. Подчеркнем, что С. И. Гессен излагает свое видение Ф. М. Достоевского специфическим образом, создавая особый интеллектуальный стиль своих текстов, отчасти сближающий его с русским мыслительством Серебряного века. В то же время очевидно, что интеллектуализм С. И. Гессена обретает и отчетливый европейский акцент, делая его тексты близкими и понятными не только эмигрантскому, но и западному читателю. Дискурс интеллектуальной критики С. И. Гессена оказывается близок его педагогическому дискурсу, в том числе и по совокупности используемых автором приемов, включающих виртуозную работу с «чужой речью» [5], [7], [19], [20]. Известны его многочисленные историко-философские труды, в том числе об этических взглядах Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева, а также общетеоретические работы по философии права. Об этой сфере научных интересов ученого достаточно много написано российскими и зарубежными исследователями.

В ситуации с С. И. Гессеном обращает на себя внимание его поразительная разносторонность. Уже в молодости он выступает не только как философ европейского типа, но и как переводчик современных интеллектуальных бестселлеров, автор философской и литературной критики, публицист и т. д. Без учета этой стороны интеллектуальной деятельности С. И. Гессена трудно до конца понять и оценить тот масштаб, который его личность приобретает в условиях

эмиграции, причины его популярности как автора у редакции «Современных записок».

По мнению историков интеллектуальной мысли, философский путь С. И. Гессена условно делится на 2 неравные части: деятельность в России и работа в эмиграции. Начало первого периода ознаменовано его возвращением из Германии, где он обучался в университете и защитил под руководством Г. Риккерта диссертацию «Индивидуальная причинность» (1909). Приехав в Россию, С. И. Гессен занялся выпуском журнала «Логос» (1910–1914), в котором были опубликованы 2 его статьи и 19 рецензий, что позволяет сделать вывод о его большем тяготении к чтению и анализу, чем к теоретическим обобщениям.

Оригинальные философские взгляды С. И. Гессена, не соответствующие общей программе издания «Логос», выразились в его «программной» для этого периода статье «Мистика и метафизика» (1910), которая дает представление об авторском понимании философии. С самого начала ученый заявил о том, что поставил перед собой цель – систематически осветить проблему «иррационального переживания». Он считал ее главной проблемой современного ему философского развития. В то же время некоторые факты свидетельствуют, что в философии С. И. Гессена сближаются немецкая и русская философские традиции. Немецкая философия, по замечанию мыслителя, сводит иррациональное лишь к отдельным «моментам», тогда как русская религиозная философия ставит иррациональные богословские, церковные источники на первое место.

Будучи учеником Г. Риккерта, С. И. Гессен ищет ответы на вопросы, которые активно обсуждаются русскими религиозными философами. В свете подобного течения мысли предполагается обогащение русской философии последними достижениями европейской науки.

Изучение С. И. Гессеном этической проблематики осуществлялось оригинальным путем: написанию систематического трактата или созданию теоретического учения он предпочел обращение к романам Ф. М. Достоевского, иллюстрирующим разрешение проблем добра и зла. Чем объясняется подобное

соединение литературоведения и философии? По нашему предположению, проповедовавшие С. И. Гессеном идеалы педагогики и права требовали конкретного приложения на практике, чему препятствовало соединение добра и зла в человеческой природе. Обоснованная И. Кантом и его последователями идея нравственности была применима к миру абсолютного порядка. Освещая иррациональные проявления человеческой души, С. И. Гессен перешел от неокантианства к русской религиозной философии.

Принимая во внимание этот факт, нам вполне понятен выбор Ф. М. Достоевского в качестве объекта его исследования. В самом начале своей литературоведческой деятельности С. И. Гессен выработал особый подход к анализу литературного произведения, который заключался в его восприятии и интерпретации в широком историко-культурном и философском контексте. На такую позицию в большей степени воздействовала немецкая неокантианская традиция, а также его способность подчинить литературный материал своим философско-образовательным идеям.

Подлинную славу в интеллектуальном сообществе Европы С. И. Гессену принесли его труды о Ф. М. Достоевском. Среди всего, что было им написано, был особый корпус статей, который сам автор определял как «очерки о Достоевском, Вл. Соловьеве и Л. Толстом, написанные мною по-русски и по-немецки, а частично изданные также по-французски и по-польски. Очерк мой о трагедии добра в «Братьях Карамазовых» так понравился профессору В. Pares'у, директору School of Slavonic Studies, King's College, London, что по его предложению школа эта избрала меня своим заграничным членом» [4].

Изданные на рубеже 1920–1930-х гг. в журналах «Путь» и «Современные записки» «литературные этюды» (термин В. В. Зеньковского) «Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского» (1928), «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева» (1931), «Трагедия зла (философский смысл образа Ставрогина)» (1932) в заметной степени демонстрировали новый подход С. И. Гессена к осмыслению и интерпретации нравственно-философских проблем в произведениях Ф. М. Достоевского и

повлияли на развитие дostoевсковедческой мысли русской эмиграции и в целом науки о литературе XX в.

Творчеством Ф. М. Достоевского С. И. Гессен начал предметно интересоваться в пражский период эмиграции (1922–1934), когда становятся известными среди русского и немецкого интеллектуального сообщества Праги его педагогические труды. Вместе с тем, при всей своей безусловной увлеченности педагогической теорией, он выделял для себя несколько исследовательских перспектив: теоретическую философию, социальную философию, философию образования и очерки о В. Соловьеве, Ф. М. Достоевском и Л. Н. Толстом.

Произведения Ф. М. Достоевского на протяжении всей жизни С. И. Гессена оказывали на него сильное влияние, при этом менялся лишь характер этого воздействия. В детстве будущего философа с русской классической литературой знакомил его отец И. В. Гессен, который был известным юристом и публицистом. Впоследствии сам С. И. Гессен слышал отзывы о произведениях Ф. М. Достоевского из уст именитых литераторов и философов. Сама атмосфера эмиграции, оторванной от России и родного языка, – ключ к пониманию причин, по которым он именно в это время обращается к творчеству русского классика, рассматривая его с позиции нерядового читателя, а философа, осмысляющего этическую проблему противостояния добра и зла.

Толчком, побудившим С. И. Гессена целенаправленно погрузиться в изучение Ф. М. Достоевского, стало его сотрудничество с таким мощным интеллектуальным центром русской Праги, как Семинарий по изучению Достоевского А. Л. Бема. Здесь философ, в частности, выступал с докладом «Ступени Добра в “Братьях Карамазовых”», который затем превратился в цикл статей, вышедших в журнале «Современные записки». Надо отметить, что Семинарий являлся лишь одной из сторон проявления интереса эмигрантской интеллектуальной среды к творчеству Ф. М. Достоевского. Так, Ф. А. Степун говорил о писателе не иначе как о пророке, свершившиеся предсказания которого отзывались в идеях философов-эмигрантов. Он писал: «...из всех современников только он один в бунтарских идеях Ткачева-Нечаева уловил

сущность коммунистического рационализма и большевистского безумия» [19, с.115]. Данная характеристика перекликается с рассуждениями Б. П. Вышеславцева, также обратившегося в эмиграции к пророчествам Ф. М. Достоевского. В частности, он считал, что великий писатель задолго до победы рассуждал о большевизме и его порождениях – хаосе, бессмыслице, диком нагромождении добра и зла [19, с.115]. Вполне понятно обращение С. И. Гессена именно к Ф. М. Достоевскому, если принимать во внимание заинтересованность философа этической проблематикой при анализе им «ступени добра и зла».

Позднее результаты своей работы он будет оценивать в связи с идеями русского классика: «Считаю, что – это самое значительное, а в смысле формы, самое совершенное, что я вообще когда-либо написал» [19, с.116].

Из этого доклада выросли два, теперь считающихся классическими, интеллектуальных текста – «Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского» и «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и В. Соловьева».

При этом вторая статья трансформировалась в 7 главу «Идеи добра» и была «заострена против наших религиозных философов, ссылающихся на Достоевского для подтверждения своей «теономии», существо которой остается у них соблазнительно-неопределенным и способным продвинуть всякую контрабанду славянофильско-евразийско-деспотического-идеократического характера» [19, с. 129]. Кроме того, он добавлял, что данная часть выступала в качестве перехода к «Двум путям».

Работы С. И. Гессена, посвященные творчеству Ф. М. Достоевского, публикуются в «Современных записках» в 1928 и 1931 гг. Весьма положительные отзывы об этих статьях, полученные в широких кругах эмиграции, побуждают их автора написать «Трагедию зла (философский образ Ставрогина)», которая фактически стала приложением к «Трагедии Добра...».

Начало десятилетия ознаменовано работой над статьей «Трагедия зла...», которую он предложит журналу «Современные записки». Получив отказ после

двухлетнего ожидания ответа, он издает ее в конце 1932 г. в журнале «Путь». Это время отмечено расколом внутри «Современных записок», в результате которого М. Вишняк покидает редакцию. И еще одна статья С. И. Гессена «Христологическое доказательство бытия Божия у Достоевского» остается в этом журнале без внимания. Позднее в Варшаве, около 1940 г., наброски этой работы стали частью большого очерка «Философия религии Достоевского». Автор планировал включить их вместе с предыдущими статьями о Ф. М. Достоевском и Л. Н. Толстом в книгу «Добро и зло в понимании русских мыслителей». Однако она была уничтожена в пожаре 1944 г. во время Варшавского восстания. Не сохранилась и ее копия, написанная на немецком языке.

О том, какое влияние оказало осмысление творчества Ф. М. Достоевского на мировоззрение С. И. Гессена, свидетельствуют его воспоминания. В своей автобиографии мыслитель признается, что в детстве отличался религиозностью, посещал католическую церковь и был очарован «всенощными в субботы» [2, с. 776]. Кризис наступил в 4-м классе гимназии и во многом был связан с конкретным инцидентом, случившимся на уроке Закона Божия. Скандал с запрещенным «Евангелием» Л. Н. Толстого, который принес один из учеников, навсегда отвратил впечатлительного подростка от догматики официальной церкви. Как признается С. И. Гессен, к тому времени он стал «...если не атеистом, то противником всяческой церковности» [2, с. 776] и сохранил такую позицию до начала 1930-х гг.

Напротив, в своих поздних работах о Ф. М. Достоевском философ все чаще пишет на религиозные темы. В «Моем жизнеописании» С. И. Гессен упоминает и о труде «Философия воспитания» (рукопись которого также сгорела), приводит его план, который явно свидетельствует о его приобщении к идейной стилистике Ф. М. Достоевского. В еще более позднем очерке «О платоновских и евангельских добродетелях», мыслитель будет рассматривать концепцию деятельной любви в качестве пути к познанию Всевышнего [2, с. 709].

Заинтересованность С. И. Гессена творческим наследием Ф. М. Достоевского вполне закономерна и имеет отношение в первую очередь к

метафизическому содержанию произведений русского писателя, который имел сверхвременное значение. Рассмотрение человека как личности, обладающей экзистенциальной мироориентацией, в работах философа происходит с точки зрения ценностных смыслов.

Таким образом, интеллектуальная критика С. И. Гессена, вне всякого сомнения, составляет особый феномен в интеллектуальной критике русской эмиграции. Талантливый мыслитель и вдумчивый критик, он предложил новое видение этических и духовных постулатов, сформулированных в творчестве Ф. М. Достоевского, показал их значение для современного русского сознания, предложил читателю русской эмиграции новое прочтение образов писателя и его героев, новую интеллектуальную интерпретацию судеб «русской души».

Библиографический список:

1. Валицкий А. История русской мысли от просвещения до марксизма. М.: Канон+, 2013. 480 с.
2. Гессен С. И. Избранное / С. И. Гессен; [сост., автор вступ. ст., Е. Л. Петренко, авторы коммент. М. И. Иванов, Т. В. Иванова]. 2010. 960 с.
3. Киржаева В. П. Архив редакции «Современных записок» как источник по истории литературы, культуры и образования русской эмиграции «первой волны»/ В. П. Киржаева, О. Е. Осовский//Филология и культура. -2016. -№3 (45). -С. 135-140.
4. Киржаева В. П. Обсуждение программ по русскому языку в педагогических дискуссиях русской эмиграции 1920-х гг./В. П. Киржаева//Интеграция образования. -2009. -№1. -С. 26-29.
5. Киржаева В. П. Педагогический дискурс российской эмиграции первой волны: к проблеме гетероглоссии/В. П. Киржаева, О. Е. Осовский//Развитие современного образования: от теории к практике: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 17 мая 2017 г.). -Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. -С. 68-71.

6. Киржаева В. П. С. И. Гессен и Н. А. Ганц: история творческого диалога 1920-х -начала 1930-х гг./ В.П. Киржаева, В. И. Лаптун, А. И. Мариниченко// Инновационные технологии в образовании и науке: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 мая 2017 г.). -Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. -С. 100-103.

7. Киржаева В. П. Статус и формы «чужой речи» в древнерусской житийной литературе (на материале житий XII-XIII вв.)/ В. П. Киржаева//Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. -М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. -С. 60-61.

8. Научное наследие Н. А. Ганца в педагогическом пространстве России и Европы 1920-1930-х годов/О.Е. Осовский, В.П. Киржаева, С. П. Гудкова, В. И. Лаптун, А. И. Мариниченко. -Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. -152 с.

9. Осовский О. Е. «Вот и хочется найти способ подняться над каждодневной суетой»: А. Флоровский и филологическая жизнь эмиграции первой волны (по материалам архива ученого) О. Е. Осовский, В. П. Киржаева // Вопросы литературы. 2017. № 6. С. 313-341.

10. Осовский О. Е. Забытая рецензия Сергея Гессена на роман Олдоса Хаксли/О. Е. Осовский//Гуманитарные науки и образование. -2012. -№1. -С. 74а-77.

11. Осовский О. Е. Имперская и постимперская парадигма в идеологии российского образования XVIII -первой трети XX века (к постановке проблемы)/ О. Е. Осовский//Академический журнал Западной Сибири. -2014. -№4. -С. 96-97.

12. Осовский О. Е. Литературоведческая проблематика в наследии С. И. Гессена // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 2. С. 124-132.

13. Осовский О. Е. Малоизвестная рецензия Джона Дьюи: (Публикация, перевод, вступ. статья, примеч.) / О. Е. Осовский//Гуманитарные науки и образование. -2010. -№3. -С. 26-30.

14. Осовский О. Е. Проблемы справочно-информационного обеспечения истории образования русского зарубежья и возможные пути их решения/О. Е. Осовский//Интеграция образования. -2009. -№1. -С. 18-20.

15. Осовский О. Е. С. И. Гессен и «Русская школа за рубежом»: из истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920-х – начала 1930-х гг. / О. Е. Осовский, В. П. Киржаева // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2017. № 48. С.202-217.

16. Осовский О. Е. Сохраняя «духовное лицо» русской литературы: подлинная история «Современных записок» в архивных материалах и примечаниях к ним/ О. Е. Осовский//Вопросы литературы. -2016. -№1. -С. 353-371.

17. Очерки истории образования и педагогической мысли Российского Зарубежья (20-50-е гг. XX в.). -Саранск: , 2000. -195 с.

18. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4-х т. / под редакцией О. Коростелева и М. Шрубы. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – Т. 1. – 952 с.

19. Степун Ф. А. Советская и эмигрантская литература 20-х годов / Ф. А. Степун // Критика русского зарубежья. – М.: Олимп. Библиотека русской классики, 2002. – Т. 1. – С. 276–293.

20. Kirzhaeva V.P. Pedagogical discourse in magazines of Russian émigré community in 1920-30s (on the basis of N. Hans articles)/V.P. Kirzhaeva//Russian Linguistic Bulletin. -2016. -№3 (7). -P. 136-138.